

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

В. П. АЛЕКСЕЕВ

ТЕОРИЯ РАСОВЕДЕНИЯ НА VII МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ НАУК

Современная эпоха характеризуется интенсивным расширением границ антропологических исследований. На протяжении многих десятков лет, начиная с работ выдающихся основателей антропологии в странах Западной Европы и в России — А. Ретциуса, П. Брока, П. Топинара, Ф. Гальтона, Г. Швальбе, К. М. Бэра, А. П. Богданова и других —* антропология оставалась морфологической дисциплиной¹. Антрополог измерял и подсчитывал, причем измерение касалось только формы человеческого тела в целом и отдельных его частей, но не распространялось на функциональные признаки. Последние вошли в орбиту внимания антропологов только после выдающихся работ Л. и Г. Гиршфельдов на Салоникском фронте в 1918 г., в результате которых было обнаружено различие в процентном соотношении кровяных групп у представителей разных рас². Несмотря на то, что первая работа об этих исследованиях пролежала в журнале, куда она была направлена, девять месяцев и была возвращена Л. Гиршфельду как абсолютно неинтересная по своей теме, уже через несколько лет исследование изосерологических свойств заняло значительное место и превратилось в мощный инструмент установления физиологических различий между различными группами современного человечества³. Значение этих физиологических различий и их исследования еще возрастало благодаря тому, что они носили наследственный характер. Между тем, в установлении наследственной структуры морфологических признаков и сейчас много гипотетического.

Вслед за усиленным вниманием к группам крови, которое не ослабло, а пожалуй, наоборот, даже усилилось в последние годы в связи

¹ Краткий обзор различных школ см.: Б. Н. Вишневский, Естественная история человека. (Очерк исторического развития антропологии), «Вселенная и человечество» —* кн. 6, Л., 1928.

² L. Hirszfeld, *Konstitutionserologie und Blutgruppenforschung*, Berlin, 1928» См. также: L. Hirszfeld, *Probleme der Blutgruppenforschung*, Jena, 1960.

³ Обзор раннего этапа развития серологических исследований см.: В. Я. Руб. аш" к и н, *Кровяные группы*, М.—Л., 1929. Полученные в первые 20 лет данные о частоте встречаемости разных кровяных групп суммированы в кн.: W. B о y d, *Blood groups*, «*Tabulae Biologicae*», vol. 17, Haag, 1939.

с открытием многих новых групповых факторов⁴, последовало изучение других физиологических показателей — вкусовых реакций, терморегуляции, частоты пульса, уровня кровяного давления, некоторых двигательных реакций⁵. Антропология все больше, благодаря этим исследованиям, превращается в физиологическую науку. В то же время она сохраняет свою специфику, как наука о территориальных и временных вариациях человеческого тела, так как физиологические характеристики изучаются в тесной увязке с морфологией и в отдельных территориальных и этнических группах⁶. Функциональные показатели приобретают определенное значение и в дефиниции типов физического развития, конституциональных типов и т. д.⁷ Одним словом, насыщение антропологии физиологическими методами и изучение физиологических признаков — одно из направлений в развитии антропологии за последний период.

Другое направление — введение в антропологию все более точных количественных характеристик, дефиниция качественных признаков (в конечном итоге все морфологические признаки являются качественными) с помощью числа. При этом речь идет не об усовершенствовании способов измерений (хотя и этому уделялось всегда много внимания), а о путях анализа первичных данных, о математических методах интерпретации эмпирических наблюдений. После крайнего увлечения статистикой в работах английской биометрической школы, когда математической технике в биологических и, в частности, антропологических исследованиях придавалось непропорционально большое значение и, казалось, она преодолевает все трудности на пути анализа биологических объектов⁸, наступила реакция, продолжавшаяся 20—30 лет. Некоторые видные антропологи считали даже, что математика задержала прогресс морфологических наук, а в их числе и антропологии, заменив глубокий анализ качественных взаимоотношений между биологическими объектами и явлениями цифровыми выкладками, часто имеющими мало

⁴ О современном состоянии иммуноантропологии см.: J. Dausset, *Immuno-hematologie biologique et clinique*, Paris, 1956 (есть русский перевод: Ж. Доссэ, *Иммуногематология*, М., 1959); H. Walter, *Die Bedeutung der serologischen Merkmale für die Rassenkunde*, в кн.: «Die neue Rassenkunde» (herausgegeben von I. Schwidetzky), Stuttgart, 1962; O. Prokorp, *Die menschlichen Blut- und Serumgruppen*, Jena, 1963; O. Prokorp, G. Uhlenbrück, *Lehrbuch der menschlichen Blut- und Serumgruppen*, Leipzig, 1963; Н. И. Комарович, *О группах крови человека и их филогенезе*, «Вопросы антропологии», вып. 18, 1964. Распределение разных факторов по земному шару см.: A. Molignat, *The distribution of human blood groups*, Oxford, 1954; A. Mourant (with col.), *The ABO blood groups*, Oxford, 1958; М. Я. Шаповалова, *Новые данные по распределению групп крови АВО, М и N среди населения Европы*, «Вопросы антропологии», вып. 9, 1962.

⁵ Новейший обзор можно найти в книге: G. Harrison, J. Weiner, J. Tanner, N. Varnicot, *Human biology. An introduction to human evolution, variation and growth*, New York — London, 1964.

⁶ См., например, карту и таблицы панэйкуменного распределения вкусовой чувствительности к фенилтиокарбамиду: G. Schwidetzky, *Neuere Entwicklungen in der Rassenkunde des Menschen*, в кн.: «Die neue Rassenkunde», Stuttgart, 1962.

⁷ П. Н. Башкиров, *Учение о физическом развитии человека*, М., 1962; Н. Г. Залкинд, *О роли физиометрических показателей в оценке физического развития*, «Вопросы антропологии», вып. 13, 1963.

⁸ Изложение теоретических концепций основателя школы К. Пирсона и его учеников см.: Е. М. Чеяурковский, *Статистический и биологический методы в изучении наследственности у человека*. 1. Биометрия, «Русский антропологический журнал», 1916, № 1—2. Критическое освещение математического аппарата сто.: М. В. Игнатъев, *Учение о роли наследственности и среды у К. Пирсона и биометриков*, «Успехи соврем. биологии», т. IV, 1935, № 3; его же, Карл Пирсон (1857—1936), «Антропологический журнал», 1937, № 1.

общего с действительностью⁹. Но как и всякая крайность, такой взгляд на роль математики в биологии и антропологии не мог быть долговечным.

Сдвиг, который мы наблюдаем в последние годы, диктуется появлением новых очень мощных методов математического анализа. Основное среди этих методов — открытие средств учета корреляций между двумя и несколькими переменными при межгрупповом сопоставлении. Этим был сделан решительный шаг вперед по сравнению с методикой К. Пирсона, применявшейся биометриками, и этим же было снято основное возражение против нее, так как именно невозможность учета связи между признаками при сопоставлении групп по многим признакам составляла основную слабость системы анализа биометрической школы и предмет острой критики не только со стороны морфологов, но и многих генетиков и статистиков¹⁰. Новые системы анализа — дисперсионный анализ, дискриминантная функция — стали сразу же широко применяться в работах, преимущественно по расоведению¹¹. Но и другие области антропологии не остались в отношении применения статистики на прежнем уровне — стоит вспомнить триумфальное шествие факториального анализа в морфологических и, особенно, соматологических исследованиях¹².

Не отстал от перечисленных аспектов и собственно морфологический анализ. Он развивался в нескольких направлениях. Прежде всего, сейчас накоплен грандиозный, во много раз превышающий все сборы предшествующих лет материал по характеристике многообразных морфологических особенностей человеческого тела, охватывающий как различные территориальные, так и возрастные группы. Все это позволило составить несравненно более полное представление о географии и возрастной динамике морфологических признаков. Первое обстоятельство имело исключительное значение для установления путей расообразования и точной генетической классификации рас¹³, второе — для отказа от некоторых схематичных представлений в эволюционной морфологии человека вроде гипотезы «помолодения» Л. Болька и обоснования некоторых новых эволюционно-возрастных закономерностей¹⁴.

Наконец, значительное воздействие на общие контуры антропологической проблематики и ее содержание оказало выделение фактора времени в изучении как морфологических, так и физиологических при-

⁹ Например: W. B o u d, Has statistics retarded the progress of physical anthropology, «American Journal of Physical Anthropology» (new series), vol. 16, 1958, № 4.

¹⁰ См., например, мнение крупнейшего специалиста одновременно в области генетики и математической статистики Р. Фишера: R. Fischer, The coefficient of racial likeness and the future of craniometry, «Journal of the Royal Anthropological Institute», vol. 66, 1936.

¹¹ См. В частности: J. H i e r n a u x, Analyse de la variation des caracteres physiques humains en une region de l'Afrique centrale: Ruanda — Urundi et Kivu, «Ann. Musee Royal Congo Beige. Anthropologie», t. 3, Bruxelles, 1956; В. П. Чтецов, Дискриминантные функции в антропологии, «Вопросы антропологии», вып. 11, 1962. Там же и библиография.

¹² Литературу см.: В. П. Чтецов, Факторный анализ в антропологии, «Вопросы антропологии», вып. 3, 1960.

¹³ Панэйкуменный обзор накопленных данных, который отражал бы достижения сегодняшнего дня, пока отсутствует. Наиболее полные сводки, хотя и несколько уже устаревшие: В. L u n d m a n, Umriss der Rassenkunde des Menschen in geschichtlicher Zeit, Kopenhagen, 1952; R. Biasutte, Razze i popoli della terra, tt. I—IV, Torino, 1959—1960. Из многочисленных статей, где обсуждаются проблемы классификации, укажу две: В. В. Бунак, Человеческие расы и пути их образования, «Сов. этнография», 1956, № 1; Г. Ф. Дебелл, Опыт графического изображения генеалогической классификации человеческих рас, «Сов. этнография», 1958, № 4.

¹⁴ Для примера см.: G. de Beer, Embryos and ancestors, London, 1951. Каждый год появляются многочисленные новые исследования на эту тему.

наков. В эволюционной морфологии этому способствовало интенсивное накопление данных об ископаемых гоминидах, быстрыми темпами идущее почти во всех странах¹⁵, в биохимии и, в частности, иммунологии — открытие агглютинирующих свойств органических соединений, сохраняющихся в ископаемых костях¹⁶. Первое из этих двух направлений исследований ознаменовалось пока гораздо большими успехами и значительно модифицировало рассмотрение всех без исключения систем человеческого тела (и даже мягких тканей и органов, не сохраняющихся в ископаемом состоянии), вызвав наибольшее внимание к их эволюционным преобразованиям. Успехи палеоантропологии здесь дополнялись успехами сравнительной анатомии.

Все эти многообразные по своей тематике и на первый взгляд даже «е очень связанные между собой исследования если и не преобразовали полностью, то серьезно изменили лицо антропологии, сделав его более современным и повернув его к задачам практики — медицине, здравоохранению, легкой промышленности. Но они оказали серьезнейшее влияние и на теоретическую платформу науки, вызвав к жизни многочисленные и очень острые дискуссии почти по всем теоретически важным проблемам. Краткий обзор таких дискуссий в области расоведения автор пытался сделать в специальной статье¹⁷. Естественно, что на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук теоретические проблемы расоведения — той отрасли антропологии, которая, пожалуй, теснейшим образом связана со всеми остальными — стояли в центре внимания.

В работе конгресса приняли участие и выступили с докладами по расоведческой или смежной тематике многие видные зарубежные представители современного расоведения: А. Банке (Польша), Дж. Вайнер (Англия), Х. Гримм (Германская Демократическая Республика), М. Доклада (Чехословакия), Я. Елинек (Чехословакия), Р. Жессэн (Франция), Ж. Иерно (Франция), А. Мурант (Англия), О. Некрасова (Румыния), Я. Немешкери (Венгрия), Л. Ошинский (Канада), Д. Ферембах (Франция), Г. Филд (США), У. Хауэллз (США), И. Шведская (Федеративная Республика Германия) и др. Из участников советской делегации с докладами на расоведческие и близкие к расоведению темы выступили: М. Г. Абдушелишвили (Тбилиси), М. С. Акимова (Москва), Т. И. Алексеева (Москва), В. В. Бунак (Москва), А. Г. Гаджиев (Махачкала), В. В. Гинзбург (Ленинград), В. Д. Дяченко (Киев), В. Я. Зезенкова (Ташкент), И. М. Золотарева (Москва), Т. П. Кияткина (Душанбе), Т. С. Кондукторова (Москва), К. Ю. Марк (Таллин), Ю. Г. Рычков (Москва), Т. А. Трофимова (Москва), Г. Л. Хить (Москва) и др. Таким образом, как с советской стороны, так и среди зарубежных гостей было представлено большинство интенсивно работающих расоведов и старшего, и младшего поколений. Их доклады могут быть сгруппированы вокруг нескольких крупных проблем.

Региональная антропологическая характеристика современного человека

Доклады, сконцентрированные вокруг проблем этнической антропологии и палеоантропологии в узком смысле слова, т. е. палеоантропологии, начиная с мезолита, заслушивались на секции «Этническая ант-

¹⁵ Последний обзор: С. С. О. П., *The origin of races*, London, 1963.

¹⁶ Краткий обзор полученных результатов и литературу см.: Г. А. Прейсман, *Агглютиногены изосерологической системы АВО в ископаемых остатках человека*, «Вопросы антропологии», вып. 5, 1960.

¹⁷ В. П. Алексеев, *Факторы расообразования, методы расового анализа, принципы расовых классификаций*, «Сов. этнография», 1964, № 4.

ропология». Наиболее интересные данные были представлены по Индии, Передней Азии, по западнославянским народам и по многим территориям и этническим группам Советского Союза.

Доклад И. Швидецкой был посвящен «австралоидам» в Индии. Известная исследовательница в области палеоантропологии и этнической антропологии современного населения, автор крупных работ по палеоантропологии славян¹⁸, по палеоантропологии Канарских островов¹⁹, по антропологии Средней Азии²⁰, но писавшая также и об общих проблемах расоведения и изменчивости человеческого организма²¹, сделала попытку показать, что в составе современных индийских народов может быть выделен австралоидный тип. Основанием для этого послужило определение описательных признаков на многочисленных фотографиях, привезенных экспедицией Э. Эйкштедта в 30-х годах. Статистический анализ (подсчет межгрупповых корреляций) показал, что в некоторых районах развитие надбровья, расширение носа и выступание челюстей связаны интенсивной межгрупповой зависимостью, позволяющей говорить о реальности «австралоидной» комбинации. Помимо географического критерия, автор использовала статистический, и этот последний также продемонстрировал реальность «австралоидной» комбинации, встречающейся много чаще, чем это было бы, если бы она была случайна.

Значение этого факта трудно переоценить. Палеоантропологические данные свидетельствуют о том, что в прошлом австралоидный тип был распространен шире, чем в настоящее время, в частности, он отмечен в Африке и Передней Азии. Проявление этого типа в Индии расширяет границы тех материалов, с помощью которых реконструируется связь между современными ареалами африканских негроидов и австралоидов. В Индии этот тип является реликтовой формой в некоторых группах, населяющих тропические джунгли и стоящих на чрезвычайно низкой ступени общественного развития.

Доклад Г. Филда представлял собою краткую сводку обширных исследований автора по антропологии современного населения различных стран Передней Азии²². Автор суммировал также и многочисленные

¹⁸ I. Schwidetzky, Rassenkunde der Altslawen, Beiheft zu B. VII der Zeitschrift für Rassenkunde und die gesamte Forschung am Menschen, Stuttgart, 1938.

¹⁹ I. Schwidetzky, Die vorspanische Bevölkerung der Kanarischen Inseln. Anthropologische Untersuchungen, Beiheft 1 zu Homo-Zeitschrift für die vergleichende Forschung am Menschen, Göttingen—Berlin—Frankfurt, 1963.

²⁰ I. Schwidetzky, Turaniden-Studien, Akademie der Wissenschaften und der Literatur, «Abhandlungen der mathematisch-naturwissenschaftlichen Klasse», № 9, Wiesbaden, 1958.

²¹ I. Schwidetzky, Grundzüge der Völkerbiologie, Stuttgart, 1950; ee же, Das Menschenbild der Biologie, Stuttgart, 1959; ee же, Variations- und Typenkunde des Menschen, «Handbuch der Biologie», B. IX, H. 14, 15—17, 18, Konstanz, 1960—1961; ee же, Neuere Entwicklungen in der Rassenkunde des Menschen.

²² H. Field, Arabs of Central Iraq, their history, ethnology and physical characters, «Field museum of Natural History, Anthropology memoirs», vol. 4, Chicago, 1935; его же, Contributions to the anthropology of Iran, «Field museum of Natural History, Anthropological series», vol. 29, Chicago, 1939; его же, The anthropology of Iraq, part 1, «Field Museum of Natural History, Anthropological series», vol. 30, Chicago, 1949; part 2, «Papers of the Peabody Museum of American archaeology and ethnology», Harvard University, vol. XLVI, Cambridge, 1951—1952; его же, Ancient and modern man in Southwestern Asia, vol. I, Florida, 1956; его же, An anthropological reconnaissance in the Near East, 1950, Papers of the Peabody Museum of American archaeology and ethnology». Harvard University, vol. XLVII, № 3, Cambridge, 1956; его же, An anthropological reconnaissance in West Pakistan: with appendixes on the archaeology and natural history of Baluchistan and Bahawalpur, там же, vol. LII, Cambridge, 1959; его же, Ancient and modern man in Southwestern Asia, vol. II, Florida, 1961. Полную библиографию работ Г. Филда см.: «Bibliography by H. Field, 1964», Michigan, 1964.

данные других исследователей по палеоантропологии, а также по краниологии и соматологии современного населения и представил в краткой тезисной форме связную историю антропологических типов в странах Малой и Передней Азии. В качестве аналогий были широко использованы материалы советских исследователей по Кавказу и Средней Азии, с которыми Г. Филд хорошо знаком²³. В конце своего доклада он указал на особое значение сотрудничества советских и зарубежных антропологов в изучении антропологического состава Передней Азии, так как первостепенную роль в освещении этапов формирования антропологических типов этой территории играют материалы, собранные советскими исследователями на Кавказе и в Средней Азии.

Общий доклад по антропологии Кавказа сделал М. Г. Абдушелишвили. Это итог обширных экспедиционных исследований автора как на Северном Кавказе, так и в Закавказье, а также проработки больших палеоантропологических коллекций²⁴. Автор защищал точку зрения об автохтонном происхождении антропологических типов Кавказа и, в частности, наиболее характерного среди них — кавкасионского типа, представленного среди народов Центрального Кавказа. Различия между древним и современным населением Кавказа были объяснены с помощью гипотезы, которую по аналогии с гипотезой грацилизации можно назвать гипотезой матуризации. Сущность этой гипотезы, обоснованию которой М. Г. Абдушелишвили посвятил специальную статью²⁵, сводится к констатации многообразия эпохальных изменений и к допущению действия процесса направленного расширения лицевых размеров в поздние эпохи по сравнению с ранними.

К теме доклада М. Г. Абдушелишвили примыкал доклад А. Г. Гаджиева по антропологии Дагестана. Соматологические исследования А. Г. Гаджиева охватили все этнические группы, проживающие на территории Дагестана²⁶. Кроме этого, им собраны большие материалы по дерматоглифике и группам крови²⁷. При рассмотрении истоков формирования антропологических типов современного населения и, в частности, при оценке генетического значения различий между широколицыми и узколицыми группами был широко привлечен палеоантропологический материал, также, частично описанный самим автором²⁸.

Из антропологических данных по славянским народам следует особенно отметить материалы, собранные чешскими антропологами — Х. Троничеком и К. Гайнишем. Ими с соблюдением единых методических приемов охвачены одновременно и чешские, и словацкие группы, что позволило впервые получить достаточно объективную меру различий между антропологическим типом словаков и чехов. С этими материалами тесно связаны обширные данные по антропологии западнославянских народов, представленные в докладе В. Д. Дяченко. Автор

²³ В частности, он был инициатором издания в Соединенных Штатах последнего трехтомного труда Л. В. Ошанина. На Кавказе Г. Филд работал сам. См.: H. Field, Contributions to the anthropology of the Caucasus, «Papers of the Peabody Museum of American archaeology and ethnology», Harvard University, vol. XLVIII, № 1, Cambridge, 1956.

²⁴ Полное издание всех собранных им материалов см.: М. Г. Абдушелишвили, Антропология древнего и современного населения Грузии, Тбилиси, 1964.

²⁵ М. Г. Абдушелишвили, Об эпохальной изменчивости антропологических признаков, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXXIII, 1960.

²⁶ А. Г. Гаджиев, К этнической антропологии народов Дагестана, «Вопросы антропологии», вып. 12, 1962.

²⁷ А. Г. Гаджиев, Данные по дерматоглифике народов Дагестана, «Вопросы антропологии», вып. 9, 1962.

²⁸ А. Г. Гаджиев, Данные по палеоантропологии Дагестана, «Уч. записки Ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР», т. X, Махачкала, 1962.

сделал попытку, во многом удачную, выявить общие пласты в антропологическом облике западнославянских и восточнославянских народов,, основываясь на сопоставлении лично собранных им материалов по полякам, чехам, словакам и другим западно- и южнославянским народам с данными по русским и украинцам.

Доклад Т. И. Алексеевой был посвящен итогам изучения краниологии восточнославянских народов в связи с проблемами их этногенеза²⁹. Краниологические данные были сопоставлены с стоматологическими, собранными автором при работе в Русской антропологической экспедиции. Автор аргументировала положение о широком участии балтийских и финских элементов в славянском этногенезе, что демонстрируется близким сходством антропологических типов, представленных в восточнославянском населении, с одной стороны, и в финских и балтийских этнических группах — с другой³⁰.

Большой и разнообразный материал по антропологии финно-угорских народов был продемонстрирован К. Ю. Марк. Ею изучено несколько десятков территориальных групп в составе финских и угорских народов Приуралья и Поволжья³¹. Этот материал позволяет произвести детальную антропологическую классификацию народов и тщательно оценить удельный вес монголоидного и европеоидного компонентов в составе каждого из них. Этот результат, в свою очередь, дает возможность осветить истоки происхождения этих народов под углом зрения антропологических данных, так как смешение монголоидных и европеоидных типов — основной процесс, в результате которого сформировался антропологический состав угорских и финских народов Поволжья и Приуралья:

Кроме перечисленных докладов, опиравшихся на разнообразные как палеоантропологические, так и соматологические материалы и носивших, таким образом, комплексный характер, нужно отметить целый ряд докладов, посвященных палеоантропологическим материалам. Введя в науку новый материал по палеоантропологии древнего населения, эти доклады заполнили большое количество лакун в наших знаниях об антропологическом составе древних народов и его формировании. В их числе доклады: Г. Хьюса (США) — о серии черепов из Судана, по-видимому, неолитического возраста; Х. Гримма о результатах изучения палеоантропологии неолита Средней Германии; О. Некрасовой, М. Кристеску и С. Антониу-Санду (Румыния) — о результатах изучения палеоантропологии неолита Румынии; И. Хохола (Чехословакия) — о некоторых новых находках эпохи бронзы на территории Чехословакии; Т. А. Трофимовой — о новых находках энеолитического времени на территории Южной Туркмении; Т. П. Кияткиной — об итогах исследования хронологически разновременных серий с территории Таджикистана; М. Стлоукала (Чехословакия) — по палеоантропологии славян Моравии, Т. Тота (Венгрия) — по палеоантропологии аваров; М. С. Акимовой — о результатах антропологического изучения средневекового населения Приуралья и сопоставлении его по антропологическим данным с древними венграми.

²⁹ предварительные сообщения см.: Т. И. Алексеева, Антропологическая характеристика славянских племен бассейнов Днепра и Оки в эпоху средневековья, «Вопросы антропологии», вып. 1, 1960; е е же, Краниология средневекового населения верховьев бассейнов Волги и Днепра, там же, вып. 8, 1961.

³⁰ Специальное обсуждение этого вопроса см.: Т. И. Алексеева, Антропологические материалы к этногенезу восточных славян, «Сов. археология», 1964, № 3.

³¹ Предварительное сообщение о некоторых собранных ею материалах см.: К. Ю. Марк, Этническая антропология мордвы, Труды Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. LXIII, М., 1960.

В итоге можно сказать, что конкретные материалы, представленные в докладах на конгрессе, заполнили много «белых пятен» на антропологической карте мира и обогатили наши знания об антропологическом составе земного шара и его формировании многими существенными деталями.

Происхождение антропологических типов и факторы расообразования

Собственно происхождению антропологических типов были посвящены два доклада: Я. Елинека — «Данные к происхождению средиземноморского типа» и В. В. Гинзбурга — «Раса среднеазиатского междуречья и ее происхождение». Я. Елинек в фактической части своего доклада опирался на новые находки неолитических черепов с территории Чехословакии. Основное его наблюдение сводилось к констатации постепенного уменьшения рельефа и массивности на более поздних черепах по сравнению с более ранними. Аналогичное направление изменений автор отметил и в других странах Средиземноморья, пользуясь уже литературными данными. Иными словами, отмечена та самая закономерность в эпохальном изменении признаков, что и на многих других территориях. Таким образом, основной процесс, который привел к формированию средиземноморского антропологического типа — грацилизация более массивного типа древнего палеолитического населения. Грацилизация эта наиболее интенсивно происходила, по-видимому, в эпоху неолита.

В докладе В. В. Гинзбурга дополнительно аргументировалась гипотеза автора, которую он уже защищал в опубликованных работах³². По этой гипотезе, тип среднеазиатского междуречья или, по другой терминологии, памиро-ферганский сформировался на базе антропологических особенностей населения андроновской культуры. Однако, в отличие от более ранних работ, автор допускает, что немалое значение имел и другой процесс — брахикефализации древних этнических групп, которые могут быть отнесены к средиземноморскому типу и представляли собою длинноволосых брюнетов. Таким образом, большая роль приписывается обоим процессам — и грацилизации, и брахикефализации, основные этапы которых иллюстрируются рассмотрением многочисленных серий.

Оба перечисленных доклада показывают, что гипотеза грацилизации и брахикефализации как процессов, независимо идущих во времени, впервые сформулированная Г. Ф. Дебецом и постоянно им совершенствуемая³³, имеет широкое хождение, и аргументация в ее пользу пополняется новыми фактами. С другой стороны, М. Г. Абдушелишвили в своем докладе, как уже указывалось, на материалах по палеоантропологии Грузии защищал гипотезу матуризации современного населения по сравнению с древним, не приводя, правда, новых фактических данных по сравнению с ранее опубликованной им статьей на эту тему. Следует подчеркнуть, что эта гипотеза также находит фактическое подтверждение в самых разных материалах — начиная с эпохальной динамики признаков на территории Егип-

³² См., например, В. В. Гинзбург, Древние и современные антропологические типы Средней Азии, Труды Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XVI, М., 1951.

³³ Первая формулировка: Г. Ф. Дебец, Брюнн — Пшедмост, Кроманьон и современные расы Европы, «Антропологический журнал», 1936, 3. См. также: Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, Труды Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. IV, М.—Л., 1948; его же, О некоторых направлениях изменений в строение человека современного вида, «Сов. этнография», 1961, № 2.

та и кончая аналогичным процессом в Восточном Китае. Может считаться прочно обоснованным, что характер и направление эпохальной динамики были различны и формы ее только-только вскрываются эмпирическими данными. Поэтому же большинством исследователей воздерживаются и от каузального анализа этого явления.

Механизмы и факторы расообразования затрагивались, а иногда довольно подробно рассматривались и в других докладах. Так, значению изоляции и ее влиянию на генетическую структуру популяции были посвящены доклады Г. Максимиана (Румыния) и И. Гомила (Франция) об отдельных изолятах в Карпатах и Сенегале. Особенно в этой связи должен быть отмечен доклад Ю. Г. Рычкова о сравнении действия процессов изоляции на Памире и в Дагестане. Примененный им прием анализа деформации кривых распределения морфологических признаков для установления степени изоляции показал, что действие изоляции в Дагестане было глубже и продолжалось более длительное время. Автор рассмотрел последовательные этапы действия изоляции на морфологическую изменчивость и пришел к выводу, что при интенсивной изоляции действуют две до какой-то степени противоположные тенденции — уменьшение морфологической изменчивости в изоляте и проявление стохастических процессов в суб- и микроизолятах, образующихся внутри изолята. Специфика взаимодействия этих тенденций определяет «лицо» изолята и в первую очередь должна подвергаться исследованию при изучении изолированных популяций.

Проблема адаптации человеческого организма к разным физико-географическим условиям среды, также тесно связанная с изучением расообразования, получила освещение в докладах Р. Ньюмана (США) и Дж. Вайнера (Англия). Оба докладчика остановились в основном на физиологических показателях. Р. Ньюман привел данные в пользу существования специфического комплекса физиологических реакций, определяющих приспособление человека к холоду. Дж. Вайнер, автор проекта международного сотрудничества в изучении адаптации человека к географической среде³⁴ и один из авторов новейшей сводки по физиологической антропологии³⁵, изложил результаты своих исследований в Тропической Африке. Дополнив их данными физиологических экспериментов, автор рассмотрел аналогичный комплекс физиологических реакций, определяющих адаптивность человеческого организма к жаркому климату.

Теоретические аспекты изучения проблемы смешения, как фактора расообразования, не затрагивались специально ни в одном из докладов за исключением доклада Дж. Бенуа (Канада), не содержащего, однако, новых фактических данных. По-видимому, это объясняется трудностью одновременного исследования какой-либо из смешанных популяций и групп, в результате смешения которых она образовалась. Что же касается палеоантропологии, то неясность критериев для отделения смешанных популяций от недифференцированных и неотчетливость представлений в оценке таксономического значения многих определяемых на черепе признаков порождают многочисленные дискуссии о наличии или, наоборот, отсутствии примеси того или иного антропологического типа в исследуемом населении, о генетическом истолковании такой примеси и т. д. Все же во многих палеоантропологических докладах приводились заслуживающие внимания эмпирические факты, ил-

³⁴ J. Weiner, The human adaptability project, «Current Anthropology», vol. 5, 1964, № 3.

³⁵ См. примечание 5.

люстрирующие отдельные переселения древних популяций на далекие расстояния. Так, например, в докладе Т. А. Трофимовой был поставлен вопрос о генетических связях энеолитического населения Южной Туркмении с населением Южной Индии и Передней Азии.

Подводя итоги, мы видим, что во многих докладах были приведены данные, которые во многом обогащают наше понимание направления и форм расообразовательного процесса у современного человека и дополняют наши знания о факторах расообразования.

Методы расового анализа и границы применения математики

Методы расового анализа, применяемые исследователем, во многом зависят от его теоретических установок и часто даже определяются ими. В настоящее время наиболее острая дискуссия ведется между сторонниками типологической, с одной стороны, и популяционной³⁶, с другой, концепциями расы. Среди делегатов конгресса, например, были многие, участвовавшие в обсуждении этой важной темы на страницах журнала «Современная антропология»³⁶, — Т. Б. Белицкий, В. В. Бунак, А. Банке, А. Верцинский, Ж.-Иерно, А. Мурант, Л. Ошинский, У. Хауэлз. Но и в докладах почти всех остальных делегатов, выступавших по вопросам расоведения, нашло отражение отношение авторов к типологической или популяционной концепциям расообразовательного процесса, так как это отразилось в применяемых системах анализа материалов.

В докладах на секции этнической антропологии оказались представленными практически почти все оттенки современной методики расового анализа, начиная с индивидуальной диагностики, осуществляемой визуально, и затем подсчета процентного соотношения выделенных вариантов и кончая сложными статистическими приемами межгруппового сопоставления. В первую очередь это многообразие методических приемов отразилось в палеоантропологических докладах, так как при анализе данных по современному населению статистические методы в той или иной степени используются всеми работниками ввиду многочисленности исследованных, тогда как в палеоантропологии сама фрагментарность и количественная недостаточность материалов предрасполагает к визуальной оценке отдельных черепов и их индивидуальной типологической диагностике.

Индивидуально-типологические приемы анализа, состоящие в визуальной оценке морфологического типа отдельных черепов и затем либо в процентном подсчете удельного веса каждого типа, либо в вычислении средних не по всей серии, а по каждому типу в отдельности, либо, наконец, и в том, и в другом, — используются некоторыми советскими специалистами, например, В. В. Гинзбургом или Т. А. Трофимовой, и многими антропологами как в странах народной демократии, так и в капиталистических странах. Разумеется, между ними имеется целый ряд различий, выражающихся в применяемых классификациях, разной подробности морфологической и метрической характеристики исследуемых объектов, употреблении или, наоборот, полном игнорировании даже простейших статистических приемов при внутригрупповом анализе серии. Но всех их объединяет негативное отношение к закономерностям нормальной изменчивости и приравнивание морфологических различий к генетическим.

В простейшей форме, без сложных статистических выкладок, индивидуально-типологические методы внутригрупповой характеристики были

³⁶ «Current Anthropology», vol. 3, 1962, № 1, 3; vol. 4, 1963, № 2; vol. 5, 1964, № 4.

продемонстрированы в докладах В. В. Гинзбурга, Х. Гримма, Я- Елинека, Е. Малой, О. Некрасовой, М. Кристеску и С. Аятониу-Санду, Т. А. Трофимовой. Пример применения статистических приемов внутригруппового анализа дал А. Банке при рассмотрении большой серии негрских черепов из Центральной Африки, собранной Я- Чекановским в 1907 г.³⁷ В полном виде доклад А. Банке опубликован в серии «Антропологические материалы и исследования», издаваемой во Вроцлаве³⁸. Примененный им метод является некоторой модификацией и дальнейшим развитием так называемого метода «аппроксимации», который был предложен А. Банке раньше и широко используется как им самим, так и другими польскими антропологами³⁹. Базой для статистического анализа послужили пять индексов — черепной, высоты черепа, верхний лицевой, носовой и орбитный. В результате в составе всех изученных центральноафриканских групп были выделены четыре типа — средиземноморский, восточный, пигмейский и суданский. К сожалению, интересный в методическом отношении доклад А. Банке ввиду болезни автора не подвергся обсуждению.

В качестве примера популяционного подхода к расе можно привести доклад У. Хауэлза. Автор двух значительных обобщающих работ по эволюции человека⁴⁰, У. Хауэлз давно работает над проблемой интенсивного внедрения новейших математических методов в антропологию. Широко известен, в частности, произведенный им опыт характеристики конституционального габитуса с помощью факториального анализа⁴¹. Доклад его на конгрессе был посвящен палеоантропологическим материалам с Японских островов, исследованным с помощью метода дискриминантной функции специально на предмет определения близости доисторического населения к современным японцам и айнам. Применение дискриминантной функции дало положительные результаты, показав, что древнее население было более «айноидным» по своему облику, чем современное. Этот вывод находится в полном согласии с результатами археологических и историко-этнографических исследований⁴².

В докладах, посвященных характеристике больших контингентов населения, как уже упомянутые доклады М. Г. Абдушлишвили, Т. И. Алексеевой, А. Г. Гаджиева, В. Д. Дяченко, К- Ю. Марк, И. Швидецкой, нашли дальнейшую поддержку в качестве основных методов межгруппового анализа географический метод и подсчет межгрупповых корреляций. Первый дает возможность выявить наиболее важные для классификации признаки, второй указывает на направление и тесноту связи между ними. Географический метод как один из основных

³⁷ J. Czekanowski, *Badania antropologiczne migdzyrzeczu Nilu i Kongo, I. Crania Africana*, «Przeegląd antropologiczny», t. XVII, Wroclaw, 1951, стр. 3.

³⁸ A. Wank e, *Anthropological characteristics of African skulls*, «Materialy i prace antropologiczne», № 67, Wroclaw, 1964.

³⁹ Изложение и рассмотрение этого метода см.: Г. Ф. Деб е ц, Методы расового анализа в работах Я. В. Чекановского, «Сов. этнография», 1959, № 3; R. K p u s s m a n n, *Moderne statistische Verfahren in der Rassenkunde*, в кн.: «Die neue Rassenkunde», Stuttgart, 1962.

⁴⁰ W. W. Howells, *Mankind so far*, New York, 1944; его же, *Mankind in the making*, New York, 1959. Последняя книга получила положительную оценку в советской литературе. Рецензию В. В. Бунака см.: «Вопросы антропологии», вып. 5, 1960.

⁴¹ W. W. Howells, *A factorial study of constitutional type*, «American Journal of Physical Anthropology» (new series), vol. 10, 1951, № 1.

⁴² О них см.: А. П. Окладников, О древнейшем населении Японских островов и его культуре, «Сов. этнография», 1946, № 1; С. А. Арутюнов, Об айных компонентах в формировании японской народности и ее культуры, «Сов. этнография», 1957, № 2. Там же и сводка литературы.

методов расового анализа получил поддержку также в докладе В. В. Бунака, прочитанном на секции «Физиологическая антропология» и трактующем проблему изучения малых популяций в связи с таксономическими вопросами. Выступая в защиту географического метода, В. В. Бунак в отличие от перечисленных исследователей, исходивших из эмпирических данных, исходил из общетеоретических соображений.

Ясности в представлениях о путях расообразовательного процесса, как мы убеждаемся в заключении, сейчас еще нет. Существование и широкое распространение противоположных концепций расообразования — популяционной и типологической — тому яркое, доказательство. В зависимости от этого обстоятельства находится и разнообразие применяемых методов расового анализа, иногда взаимно дополняющих друг друга, но часто противоположных как по исходным позициям, так и по целевой установке и приводящих к взаимоисключающим выводам. Естественно, что за короткое время все эти кардинальные вопросы не только не могли быть разрешены, но даже и обсуждены сколько-нибудь подробно. Однако содержащиеся в докладах материалы и соображения расширяют ту фактическую основу, на которой дискуссия по этим вопросам может плодотворно продолжаться дальше.

Симпозиум «Факторы расообразования, методы расового анализа, принципы расовых классификаций»

Обсуждение многих теоретических вопросов современного расоведения было вынесено на симпозиум, посвященный обсуждению факторов расообразования, методов расового анализа и принципов расовых классификаций. Симпозиум работал после завершения работы секций конгресса на протяжении двух дней. Краткость этого срока не позволила обсудить эти обширные темы с должной обстоятельностью, поэтому было выделено несколько более узких вопросов, вокруг которых и сконцентрировалась дискуссия. В ней приняли участие многие зарубежные и советские специалисты (около 60 человек). Среди зарубежных ученых присутствовали Т. Белицкий (Польша), Л. Брианче (Италия), М. Балле (Перу), А. Верцинский (Польша), Н. Волянь-вский (Польша), А. Годлевский (Польша), Х. Думитреску (Румыния), из Р. Жэссен (Франция), Ж. Иерно (Франция), М. Кристеску (Румыния), У. Лэфлин (США), Б. Мишкевич (Польша), О. Некрасова (Румыния), Р. Ньюман (США), Л. Ошинский (Канада), И. Швидецкая (ФРГ), М. Прокопец (Чехословакия), М. Стлоукал (Чехословакия), Б. Ясицкий (Польша) и др. Пятнадцать делегатов выступили с фиксированными выступлениями. Кроме фиксированных, нужно отметить также многочисленные нефиксированные выступления и краткие замечания по спорным вопросам обсуждаемого круга проблем.

Дискуссия происходила в основном по трем пунктам:

1. Соотношение мономерных и полимерных расовых признаков и значение выработки методов сопоставления данных по тем и другим признакам.

2. Типологический и популяционный подход к изучению расы.

3. Проблема адаптивности расообразовательного процесса и, в особенности, роль естественного отбора в древнем формировании расовых комплексов.

По первой теме большой интерес вызвало сообщение И. Швидецкой, изучившей в Вестфалии три группы населения, различного по ве-

роисповеданию. Морфологически все три группы (и католики, и протестанты) оказались весьма близкими, в то время как серологические характеристики существенно отличают католиков от протестантов. Таким образом, в условиях социальной изоляции серологические характеристики изменялись в разных изолятах, в то время как морфологические сохраняли свою стабильность. И. Швидецкая делает из этого вывод о преимущественном значении морфологической характеристики в выявлении генеалогических взаимоотношений в различных группах по сравнению с серологической.

О локальной изменчивости расовых комплексов сделала сообщение А. де Диас Унгрия (Венесуэла). Исследовав четыре группы индейцев Венесуэлы, она обнаружила значительное морфологическое разнообразие антропологического типа при сохранении сходства в распределении серологических свойств. По ее мнению, этот факт свидетельствует о большем генетическом значении серологических данных по сравнению с морфологическими, поскольку имеются доказательства общности происхождения этих индейских групп.

Вопросу о соотношении морфологических, серологических и дерматоглифических данных было посвящено выступление Г. Л. Хить. Изучение изолированных групп ираноязычного населения Западного Памира обнаружило, что морфологически они однородны. В то же время, хотя некоторые группы сохранили известную общность в распределении групп крови, другие отличаются большим разнообразием в распределении серологических факторов. Дерматоглифически исследованные группы характеризуются полнейшей пестротой вариаций, размах которых часто приближается к мировому максимуму. Общность происхождения, генетическое родство исследованного населения подтверждаются историческими, археологическими, лингвистическими и этнографическими данными. Г. Л. Хить приходит к выводу о различной степени влияния изоляции на морфологию, серологию и дерматоглифику исследованных групп, издавна живущих замкнутыми в силу географических, условий коллективами, в которых проявляется эффект генетического дрейфа.

В развернувшейся на симпозиуме дискуссии по поводу типологического и популяционного подхода к изучению рас в пользу первого высказались В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова, А. Верцинский. Исходя из предпосылки о наследовании расовых признаков целым комплексом, сторонники типологического метода считают правомерным расчленение исследованной группы на входящие в ее состав типы и определение типологической принадлежности исследуемых объектов в индивидуальных случаях.

Выступления же большинства участников дискуссии характеризовали последних как сторонников популяционного метода. Так, В. П. Алексеев обратил внимание участников симпозиума на то обстоятельство, что тип наследования расовых признаков целым комплексом в форме плейотропии или сцепления генов, составляющий фактическую базу для типологической гипотезы, проявляет себя либо в унаследовании аномалий, либо в наследовании признаков, сцепленных с полом. В остальных случаях проявляется независимое наследование расовых признаков, в пользу которого свидетельствуют также и малые коэффициенты функциональной корреляции этих признаков [между собой. Адаптивный фактор играет в расообразовании большую роль. Адаптивность расообразовательного процесса в связи с дискретным характером географической среды приводит к необходимости выделить в пределах ойкумены очаги расообразования, т. е. зоны, в ко-

торых расообразовательные процессы имеют определенную интенсивность и определенное направление.

Что касается третьей из перечисленных тем дискуссии, то по ней •большой интерес вызвало сообщение Ю. Г. Рычкова, доложившего •о результатах исследований групп крови у населения Центральной и Восточной Сибири. По его мнению, гипотеза генного дрейфа в условиях изоляции лучше объясняет панэйкуменное распределение серологических характеристик, чем гипотеза естественного отбора, которая имеет лишь ограниченное значение в применении к группам крови. Основание для этого — отсутствие убедительных данных об адаптивности подавляющего большинства серологических факторов — и групп крови, и белков сыворотки. Данные об адаптивности аномалий гемоглобина пока стоят особняком.

На симпозиуме не было принято никакой резолюции, так как имеющиеся разногласия остались непреодоленными. Но высокий специальный уровень выступлений и острота дискуссии по важнейшим темам современного расоведения свидетельствуют об огромной исследовательской работе над ними и живейшем интересе к ним во многих странах мира. А последние обстоятельства являются залогом близкого преодоления этих разногласий.

SUMMARY

Many prominent specialists in the field of modern racial anthropology took part in the work of the anthropology sections of the VII international Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. This provided for high standards of the papers on racial anthropology, with an emphasis on theoretical problems, and for stimulating discussions. The papers presented at the ethnical anthropology section and the section of physiological anthropology and somatology gave much material on the variations of anthropological features over the world. This material made it possible to clarify many problems pertaining to the trends of the anthropological composition of the peoples of the world and the origin of anthropological types. Theoretical discussions covered such problems as the employment of mathematical methods for studying race; the part played by the typological and the population concepts of race; methods of determining the role of physiological and morphological features in establishing the genetical affinity of populations. The same problems figured prominently during the work of the symposium held after sectional discussions and devoted to «Factors of Race Formation, Methods of Racial Analysis, Principles of Race Classification».